

Х.Саари (Таллин)

ГЕНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРИБАЛТИКЕ

Определение. Генетивной моделью имен собственных (ИС) мы называем синтаксическую конструкцию, состоящую из ядра данного ИС в родительном падеже и склоняющегося номенклатурного, например географического, термина (НТ). К генетивной модели относится также явление эллипсиса в местных названиях с превращением генетива в номинатив, наблюдаемое в истории эстонских топонимов. Вследствие исторического развития генетивная модель распалась на два типа:

1) литовско-латышский тип; здесь отпадение в речи НТ влечет за собой восстановление нормальной склоняемости ядра ИС (Rambyno kalnas : Rambyno kalno : Rambyno kalnui, но без НТ Rambynas : Rambyno : Rambynui; Cēsu pilsēta : Cēsu pilsētas : Cēsu pilsētai, но без НТ Cēsis : Cēsu : Cēsīm; в эст. языке у неэст. топонимов, например, Elbruse māgi : Elbruse māe : Elbruse māge, но без НТ Elbrus : Elbruse : Elbrust);

2) эстонский тип — при отпадении НТ генетивная форма сохранилась и превратилась в новый номинатив. Ядра эстонских топонимов — за некоторыми систематическими и редкими случайными исключениями — имеют форму, которая может (или могла бы) выступать в качестве какого-нибудь генетива (например, название города Valga 'Валга/Валка' при соответствующем законе исторической фонетики номинативе Valk). Возникло явление сохранения прежних падежей, т.е. замена иллатива (местного падежа) и партитива от нового номинатива теми же падежами от старого (новая парадигма: ном. Kiiu : ген. Kiiu : партитив Kiiut, но местный падеж не Kiiusse, а Kiidu от старого номинатива Kiid/u; Riia 'Рига': Riia Riia : м. пад. Riiga; Laiuse : Laiuse : партитив Laiuset, в народе Laiust от старого номинатива Laius).

Известно, что генетивная модель не ограничивается ИС. Грамматическая интерпретация. Современные грамматики эстонского и литовского языков приводят примеры генетивной модели в разделах, посвященных атрибутивному генетиву. Я.Эндзелин и Э.Френкель относят подобные генетивы к дефинитивным генетивам, не отличая их ясно от обычного генетивного атрибута. Однако К.Милленбах (Мюленбах), а вслед за ним и М.Лепика называют их аппозиционными, намекая на их иную синтаксическую суть в сравнении с атрибутом. Соображения Милленбаха восходят к индоевропейскому синтаксису Б.Дельбрюка. Они в принципе справедливы и относительно эстонского языка. Таким образом, генетив является формой одного из членов аппозиционной синтаксической пары. Не совсем ясно, чем собственно является аппозиционное отношение. На наш взгляд, это не атрибутивно-подчинительная, а прежде всего бинарно-паратактическая связь между единицами, смысловые стороны которых пересекаются.

Историко-лингвистическая интерпретация. На логический путь возникновения генетивной модели указывал уже Милленбах, соотнося ее с генетивом принадлежности. Он отмечает, что данное явление возникло изолированно, но одной и той же форме, в разных индоевропейских и финно-угорских языках. В.Палль описывает развитие генетива в эстонских топонимах без указания на возможность влияния со стороны соседних языков (V.Pall, 1977). Тем не менее бросается в глаза, что топонимическая модель с препозитивным генетивом, характерная для балтийских и эстонского языков, в финском языке отсутствует. Генетивная модель ИС характеризуется как ареальное явление в Прибалтике южнее Финского залива.

Учитывая данные истории эстонского и балтийских языков, мы приходим к выводу, что исследуемое нами явление возникло на базе собственных предпосылок у каждого языка (языковой группы), но не вне контактов с соседями. В индоевропейских языках генетивная модель, очевидно, старше, чем в эстонском

языке. Как ареальное явление она относится к тому же комплексу межъязыковых отношений, которые влекли за собой, например, "вытеснение" латышского прилагательного генитивом и сокращение словоформ в ливском, латышском, эстонском языках. Развилось нечто вроде взаимного катализа генитивных конструкций. Как расширение употребительности латышского генитива, так и второй, эстонской тип генитивной модели ИС оказываются явлением сверхразвитым, возникающим там, где внешнее влияние на конкретный язык лишь неполностью уравновешивается сопротивлением существующей до сих пор языковой структуры.

В.Махюлис (Вильнюс)

К ЭТНОГЕНЕЗУ СЕЛОНОВ

Вопрос о том, какое генетическое место среди балтийских языков занимают исчезнувшие и засвидетельствованные скудными реликтовыми данными восточнобалтийские языки — селонский, земгалльский и куршский — до сих пор не решен. Сказанное особенно касается селонского языка, который исчез приблизительно в XIV в.

К.Буга, основоположник наших знаний о селонском языке, выдвинул гипотезу, согласно которой этот язык был наиболее близок к куршскому. Против такой постановки вопроса с серьезными возражениями выступил Я.Эндзелин. Однако с учетом некоторых новых данных и достижений современной балтистики представляется, что гипотеза К.Бути все же содержит рациональное зерно, суть которого сводится к следующему.

Согласно высказанному ранее мнению, распад прабалтийского языка, начавшийся с середины I тысячелетия до н.э., был обусловлен "отделением" прабалтийских периферийных диалектов от прабалтийских центральных диалектов. Нами также отмечалось, что пракуршский был одним из периферийных пра-

балтийских диалектов, весьма близким к прапрусско-ятыгскому. Есть некоторое основание полагать, что периферийными прабалтийскими диалектами были также праселонский и праземгалльский, последний из которых являлся переходным диалектом от пракуршского к праселонскому.

В связи со славянскими миграциями в начале второй половины I тысячелетия н.э. расширяется территория пралитво-латышских (они восходят к одним из центральных прабалтийских) диалектов в северо-западном направлении; тогда же из пралитво-латышской выкристаллизовываются пралатыши (пралатгаллы): они заселяют территорию, южная граница которой по Даугаве начинает соприкасаться и с селонскими землями. Вследствие указанных территориальных расширений тогда же начинается соответствующая литуанизация южных и юго-восточных говоров куршского языка, а также южных говоров земгалльского и селонского; северные же говоры последнего вступают в тесные контакты с (пра)латышскими говорами. В то же время курши, земгалы и селоны в какой-то мере, видимо, также продвигаются в северном и северо-западном направлениях.

Итак, мы допускаем следующее: (пра)селонский язык мог через (пра)земгалльский иметь эксклюзивные изоглоссы (и соответствующие контакты) с (пра)куршским, поскольку все эти три языка целесообразно возводить к соседним и периферийным (не центральным) прабалтийским диалектам.